

Слова прозвучали столь тяжко, что даже Цзян Муюнь невольно отступил на шаг, лицо его побелело: «Ты знаешь, я не это имел в виду...»

Гу Тин окинул его взглядом, уголки губ искривились в насмешке: «Случается, что и за долгую жизнь не сойдёшься душой, а иной раз — сошёл на мгновение, и уже как старый друг. Бывают люди, что чувствуют родство, тянутся друг к другу, готовы без всякой причины верить и отдавать всё без остатка. Вера и преданность — иной раз это так просто, а иной раз так сложно. Видимо, господину Цзяну этого никогда не постичь.»

Он ещё раз оценивающе взглянул на Цзян Муюня: «Что ж, и ладно. Не все истины мира тебе знать положено.»

Прямота этой атаки граничила с оскорблением, как же Цзян Муюнь мог её не распознать? От ярости лицо его побелело. Но сколь бы он ни гневался, понимал — сейчас не время. С трудом подавив унижение, он по-прежнему мягко промолвил: «Всего несколько дней не виделись, а Атин уже стал мне словно чужой. Неужели он того стоит?»

На сей раз Гу Тин ответил ещё прямее, с улыбкой: «Да, он стоит. А ты — нет.»

Гу Цинчан вспыхнул от гнева: «Как ты смеешь так говорить с братом Цзяном?! Он пришёл помочь тебе!»

Улыбка Гу Тина стала лишь шире: «Говорю тебе, братец, поворачивай голову почаще. А то тебя продадут, а ты ещё и деньги за себя сосчитаешь.»

Цзян Муюнь насторожился.

Гу Цинчан тотчас встал перед ним, как щит: «Я не позволю тебе оскорблять брата Цзяна! Он тебе душу раскрывал, столько сил положил! А ты не только спасибо не сказал, но ещё и клеветал! Да ты вообще человек?!»

Кто решил притвориться спящим, того не разбудишь. Гу Тин холодно усмехнулся: «Ладно. Я знаю, зачем вы пришли. Хватит прикрываться высокими словами да цепляться за мои чувства. Что бы вы ни думали, мой ответ — нет! Сегодня я стою здесь и не сдвинусь с места, хоть смерть приди! Пока я жив, никто не пройдёт!»

Взгляд его скользнул по окружающим людям: «Помимо личных чувств, я защищаю не Хо Яня, а эту резиденцию князя — Стража Севера. В городе Цзююань может пасть кто угодно, но она — никогда! Вы говорите, князь — Страж Севера силён. Нет. Сильны — люди. Одна нить — не верёвка, одно дерево — не лес. Люди верят князю, идут за ним. Лишь когда все стоят вместе, рождается сегодняшний Цзююань, рождается миф о несокрушимом севере! Я не верю в тактические уловки, не верю в шепотки и наговоры. Я верю в людские сердца. Цзююань держат не Хо Янь, а люди. Дух, что живёт в табличке над этими воротами, дарован не Хо Янем, а людьми. Северных ди победил не один Хо Янь, а весь город!»

Гу Тин устремил ледяной взгляд на главаря в чёрном: «Даже если вы сегодня убьёте меня, перережете всех в этой резиденции — пока жив хоть один житель Цзююаня, имя князя — Стража Севера не падёт. Оно навеки повиснет над вами, обратится в злого духа, что будет стеречь покой этой земли, и веками вам не вздохнуть полной грудью! Дом Хо Яня здесь. Люди, коих он защищает, здесь. Как же он может умереть? Как посмеет умереть? Даже если истечёт кровью, даже если путь его будет тернист, — он выползет из могилы, чтобы отомстить вам!»

Слова эти были слишком страшны, слишком живописны. Главарь в чёрном не пожелал — или

не посмел — слушать дальше и резко оборвал речь: «Не захотел уважительного вина — получишь наказание! Братья, вперёд! Вырезать всех!»

Охранники резиденции, включая У Фэна, пришли в движение, отчаянно отбиваясь.

Среди мелькания клинков Гу Тин поднял брови с улыбкой: «Что же, братец и господин Цзян не составят мне компанию? Клинки врагов уже занесены. Разве не договаривались умереть вместе?»

Гу Цинчан схватил Цзян Муюня за руку, и они быстро отпрыгнули на несколько шагов назад.

Гу Тин усмехнулся, не отводя глаз от Цзян Муюня: «Вот видишь. На твоей искренности — конец. Поверить тебе было бы верхом глупости.»

Гу Цинчан выпалил: «Ты ничего не понимаешь! Ты спятил, а нам за тобой не тянуться! Мы должны выжить, чтобы тебя выручить!»

Цзян Муюнь посмотрел на Гу Цинчана, казалось, тронутый: «Благодарю брата Чана за доверие.»

Гу Тин смотрел на эту парочку, связанную «братской любовью», и в душе его поднялось странное чувство. Такой прекрасной парой — почему бы не сочетаться узами брака и не оставить в покое невинных людей?

«Со мной! Вперёд, защитить резиденцию!»

«Беда у резиденции князя — Стража Севера, значит, беда у всего Цзююаня!»

«Клянёмся защитить резиденцию ценой жизни!»

Внезапно со стороны ворот ворвался отряд. Одежда — самая разная, оружие — кто во что горазд. Не солдаты, не обученное войско. С первого взгляда ясно — народное ополчение, собралось само.

Впереди всех, с окровавленным мечом в руке и свирепой решимостью на лице, был Дун Чжунчэн. От былой учтивости не осталось и следа: «Князь — Страж Севера не умрёт! Резиденцию не отдадим! Всё равно жизнь одна — порвусь, но вас одолею!»

В Цзююане сильны воинские традиции. Даже не военные, далёкие от поля боя, владеют кое-какими приёмами. Дун Чжунчэн, как местный, — не исключение. За свою историю Цзююань пережил немало великих битв. В час крайней опасности всегда был обычай — подниматься всем миром, защищать дом и город. Люди знали: в одиночку они слабы, потому никогда не выступали поодиночке, а собирались толпой, веря, что и муравьи слона одолеют. Хотели помочь, а не навредить. Были готовы и умереть, но только не стать обузой.

Увидев знакомое лицо, Гу Тин почувствовал, как глаза его навлажнели: «Как ты здесь?»

Дун Чжунчэн оскалился во всю ширину рта, запахнул полы халата и заткнул их за пояс: «С такими разборками бизнес не сделаешь. Жена моя сказала: если не пойду — замуж не выйдет. Мол, хоть и не жаждет героя, покрытого славой, но и тряпки терпеть не станет!»

Из толпы тоже кто-то крикнул: «Мы задержались, собирались! Терпи, господин!»

«Не бойся, господин! Чтобы тебя тронуть, через наши трупы переступят!»

«Князя хранят небеса, до них нам не дотянуться. Но то, что перед глазами, — наша забота! Людей князя мы защитим!»

«Князь не умрёт! И господин Гу не умрёт!»

В горле у Гу Тина встал ком. Он, всегда такой речистый, готовый языком узлы вязать, сейчас не мог выдать ни слова.

В рядах ополченцев были незнакомые лица, а были и те, что мелькали на улицах, — никогда не говорил с ними, имён не знал. Но они пришли ему на помощь.

«Эй, Дунов! Не позволю тебе, брат, всю славу себе забрать! У Тинтина в похлёбке всегда и на мою долю хватит!»

Услышав голос, Гу Тин глянул на юго-восток. И Мэн Чжэнь тут как тут.

Всё то же булочное личико, те же пухлые ручки. Только глазки красные — то ли плакал, то ли тёр. Сидел он в углу у стены, командовал телохранителем Чжэн Ши, подсказывал: «Налево! Направо!» А сам при этом держал целую охапку метательных ножей и швырял в каждого, кто осмеливался приблизиться.

То ли везло ему невероятно, то ли в минуту опасности скрытые способности проснулись, но ножи его неизменно попадали в цель. Куда бы ни угодили, в смертельное ли место, пошла ли кровь, — враг тут же падал. На десяток шагов вокруг Мэн Чжэня образовалась мёртвая зона, куда никто не мог ступить.

Швыряя ножи будто в игре, Мэн Чжэнь ещё и дулся, глядя на Гу Тина: «Как ты мог меня оглушить! А я ещё братцем Тиним тебя звал! Совсем меня не жалеешь! Отныне и вовеки не буду тебя братцем звать! Тин-тин-тин-тин! Хм!»

Гу Тин увидел, как один из чёрных подкрадывается к Мэн Чжэню сзади, и холодный пот выступил на лбу: «Осторожней!»

Мэн Чжэнь, не оборачиваясь, махнул рукой, рассыпав позади облачко ядовитого порошка.

Порошок этот ветром разносится. Рассыпал так — враг, конечно, отравится. Но сам рассыпающий... ничего! Мэн Чжэнь был как ни в чём не бывало! Лишь потер нос да чихнул громко: «Говорил же — себя защитить могу!»

Гу Тин:...

Не успел он и глазом моргнуть, как во двор ворвалась ещё одна толпа — тоже из горожан, самоорганизовавшихся. Тех самых, что несколько дней назад видели его «выступление» в благоухающей колеснице и у городских ворот.

«Господин благороден, помог — да не похваляется. А мы неблагодарными быть не можем, помним всё!»

«Сегодня негодяи город штурмуют, кто-то в мутной воде рыбку ловит. А нам что, в сторонке стоять?»

«Цзююань — наш общий город! Князь — наш общий князь! Господин Гу хоть и княжеский, да тоже наш! Братя, вперёд!»

Ситуация переломилась в мгновение ока.

Отряд убийц в чёрном, сколь бы многочисленен он ни был, — разве сравнится с половиной населения Цзююаня? Сколь бы искусны они ни были в убийстве, — разве одолеют силу общего порыва? Конечно же, нет. И вот один, ослеплённый злобой, улучив миг, ринулся прямо на Гу Тина! Если уж не уйти, так хоть одного с собой забрать!

<http://bllate.org/book/16279/1466255>